

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 63–68.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 63–68.

Научная статья
УДК 34:13
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_63

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Прончев Константин Геннадьевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
kpronchev96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6663-2284>

Аннотация. Определение философских оснований конкретной политико-правовой концепции является исходным пунктом её анализа и критики. Настоящая статья посвящена выделению базовых философских предпосылок политического учения Бориса Николаевича Чичерина. До сих пор распространено убеждение, что путеводной нитью всех философских построений отечественного мыслителя явилось переосмысление основ гегельянской философии. Однако разработки Чичерина также обнаруживают на себе влияние кантовской философии и христианской метафизики; самостоятельные же размышления автора не могут быть заключены в рамки какой-либо парадигмы. Наиболее отчётливо поляризованность позиций Гегеля и Чичерина обнаруживается в философии личности русского мыслителя. С точки зрения Чичерина, в системе классика немецкой философии личность оказывается поглощённой общей духовной субстанцией, являясь лишь её частным составным элементом, не обладающим самоценностью. Сам Чичерин исходил из утверждения высшей ценности и Абсолютного подобия человеческой личности, что обосновывалось её сопричастностью Божественному Началу. Данным положением подкреплялся тезис о наличии у человека свободы воли. На этих основаниях была воздвигнута философско-правая теория мыслителя. Целью работы является обоснование рассмотрения персоналистического принципа в качестве отправного пункта построений Чичерина в области философии права. Обнаружено, что представление о высшей ценности человеческой личности, неизбежности её самобытности и свободы явилось отправной точкой для построений философа в области политической, экономической и правовой теории, при решении национального и религиозного вопросов. Путём сопоставления воззрений Чичерина с воззрениями других философов-персоналистов продемонстрировано, что в сфере политического теоретизирования персоналистический принцип может иметь различные вариации раскрытия.

Ключевые слова: философия права, философия политики, философия личности, персонализм, личность и государство, свобода и право, русская политическая мысль, русская философия права, русский либерализм, Б. Н. Чичерин

Для цитирования: Прончев К. Г. Персоналистические основания философии права Б. Н. Чичерина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 63–68. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_63.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Personalistic foundations of B. N. Chicherin's philosophy of law

Konstantin G. Pronchev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kpronchev96@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6663-2284>

Abstract. The definition of the philosophical foundations of a specific political and legal concept is the starting point of its analysis and criticism. This article is devoted to the identification of the basic philosophical premises of the political teaching of Boris Nikolaevich Chicherin. There is still a widespread belief that the guiding thread of all the philosophical constructions of the Russian thinker was the transposition of the foundations of Hegelian philosophy. However, Chicherin's developments also reveal the influence of Kant's philosophy and Christian metaphysics; independent reflections of the author cannot be enclosed in the framework of any paradigm. The most clearly polarized positions of Hegel and Chicherin are found in the philosophy of the personality of the Russian thinker. From Chicherin's point of view, in the system of the classic of German philosophy, the personality turns out to be absorbed by a common spiritual substance, being only its private constituent element that does not possess self-worth. Chicherin himself proceeded from the assertion of the highest value and absolute likeness of the human personality, which was justified by its participation in the Divine Principle. This provision supported the thesis that a person has free will. On these grounds, the philosophical-right theory of the thinker was erected. The purpose of the work is to substantiate the consideration of the personalistic principle as a starting point of Chicherin's constructions in the field of philosophy of law. It is found that the idea of the highest value of the human personality, the inviolability of its identity and freedom was the starting point for the philosopher's constructions in the field of political, economic and legal theory, when solving national and religious issues. By comparing Chicherin's views with the views of other personalist philosophers, it is demonstrated that in the sphere of political theorizing, the personalistic principle can have various variations of disclosure.

Keywords: philosophy of law, philosophy of politics, philosophy of personality, personalism, personality and state, freedom and law, Russian political thought, Russian philosophy of law, Russian liberalism, B. N. Chicherin

For citation: Pronchev K. G. Personalistic foundations of B. N. Chicherin's philosophy of law. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 63–68. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_63.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Философия личности Б. Н. Чичерина, являющаяся отправным пунктом для его построений в области философии права, представляет собой комплекс разноплановых, в определённых аспектах противоречивых, религиозных, философских и мировоззренческих установок. Традиционно заостряется внимание на влиянии кантовской и гегельянских систем, христианского учения на его антропологию. Вместе с тем, то обстоятельство, что концепция Чичерина в своём целостном выражении не может быть редуцирована к одной из устоявшихся мыслительных парадигм,

обуславливает потребность в выделении стержневых принципов его теории, которое позволит пролить свет на логику последующих построений. Цель настоящей работы – продемонстрировать основополагающее значение персоналистического принципа в философии личности и философии права Чичерина.

Основная часть

Принцип персонализма утверждает непреходящую ценность человеческой личности на основании её причастности Абсолютному Источнику бытия. Сам термин входит в обиход, главным образом, в XX столетии, однако его идея не нова: она является ключевой составляющей христианского вероучения. Неоднородные вариации развития этого начала, как и его приложение к отдельным сферам научного знания, – предмет отдельного рассмотрения.

Внедрение персоналистического принципа в учение Чичерина сопряжено с религиозной переориентацией мыслителя [21, с. 146–149], возрождению в нем христианского мирозерцания. Хотя политические труды предшествующего периода и проникнуты идеей распространения гражданских и политических свобод [8, с. 20–22], духовно-нравственное развитие личности ещё не представлялось Чичерину в тот период возможным в отрыве одной от государства.

Ввиду вышесказанного, учение Чичерина о личности, как и его философия в целом, не может быть охарактеризовано как правоверное переложение основных принципов системы Г. В. Ф. Гегеля. В духе учения немецкого классика он определял мировой процесс как «взаимодействие Абсолютной Мощи и Абсолютного Духа» [27, с. 344]; но, в отличие от Гегеля, понимавшего Абсолютный Дух как саморазвивающуюся первооснову мира, как рассматривающийся «по самому своему понятию как сам себя образующий и воспитывающий» [6, с. 39], Чичерин утверждал: «В Абсолютном нет развития, оно вечно. Поэтому моменты развития Абсолютного суть вечные элементы бытия» [30, с. 145]. И хотя, как полагал Чичерин, немецкий мыслитель избежал вырождения своей системы в безусловный пантеизм, «признавши относительную самостоятельность низших ступеней [развития]» [25, с. 467], человеческая личность в его учении предстала «лишь преходящим явлением общей духовной субстанции» [33, с. 224].

Человек, полагал Чичерин, являет собой «микрокосмос, вселенную в малом виде» [25, с. 141]. Особый онтологический статус человек обретает на основании своей сопричастности Абсолютному Бытию. Это обосновывалось Чичериним с позиций как рационалистической философии (тождество человека и верховного разума [27, с. 307]), так и христианского вероучения (живое общение с Богом [25, с. 249]).

Уникальной чертой природы человека является единовременная утверждённая в нем духовного и физиологического начал. Признание наличия и необходимости принятия во внимание каждого из них составляет важнейшее условие систематизации учения о личности. Чичерин не мог согласиться с положением И. Канта о нравственном требовании «отказа от всяких [чувственных] побуждений» [9, с. 460]; этим положением, считал он, Кант разрывает «всякую связь между разумным естеством человека и остальными его свойствами» [22, с. 340]. Вместе с тем высшей нравственной задачей человека является не отрешение от физических потребностей и влечений, а согласование последних с запросами духа.

Подобное согласование может быть достигнуто исключительно в результате свободного волеизъявления. Свобода с необходимостью присуща человеческой личности как носителю Абсолютного Начала, способному быть «Абсолютным Источником своих действий» [25, с. 146]. Сам факт её наличия обуславливает возможность нравственного суждения о человеке: свободно определяясь во внутреннем мире и к внешней деятельности, он получает возможность быть оценённым на основе его ценностей и взглядов, принятых решений и действий.

Двойственностью природы личности, «онтологическим разрывом», определяется особенность характера существования и реализации её свободы. Как существо духовное, человек ориентирован на высшие идеалы, но, как существо природное, он обладает возможностью отклониться от заданной иерархии ценностей, поступить вопреки религиозным и нравственным представлениям о должном. «Свобода добра есть вместе свобода зла» [33, с. 176]. Поступок может считаться соответствующим нравственному идеалу только в том случае, когда существует возможность свободного принятия противоположного решения. На том же основании воздвигается категория ответственности.

Анализируя природу свободы, Чичерин указывал на разграничение внешней и внутренней форм её проявления: «Первая состоит в независимости действий от чужой воли или в определении их собственной волею лица, короче, в возможности делать что хочешь; вторая состоит в независимости воли от внешних побуждений, или в существующей для неё возможности определяться чисто из себя самой» [32, с. 4–5]. Вместе с тем реализация внутренней свободы требует признания и гарантии внешней свободы лица, ввиду чего внутренняя и внешняя свобода могут быть обособлены лишь условно, на деле представляя собой лишь различные толкования одного явления, на что указывал сам Чичерин: «Без внутренней свободы внешняя лишается всякой точки опоры и всякого значения. Сам по себе произвол не имеет права ни на какое уважение; он уважается и охраняется принудительным законом единственно потому что он составляет проявление внутренней свободы <...> Со своей стороны, внутренняя свобода без внешней лишена действительности» [32, с. 17].

Вступая в те или иные общественные союзы, человек, сознавая свою принадлежность к высшему единству, сохраняет в то же время свою личную свободу: «Человеческие общества суть не учреждения, а союзы лиц. Если между этими лицами устанавливается живая связь, если вырабатываются общие интересы и учреждения, то все это совершается не иначе как путём взаимодействия самостоятельных единиц, одарённых каждая собственным сознанием и собственной волей. В этом именно состоит существо духа, что орудиями его являются разумные и свободные лица. Они составляют самую цель союзов. Не лица существуют для учреждений, а учреждения для лиц» [33, с. 225]. Человек, сообразовываясь с запросами общества и становясь его составной частью, осуществляет это лишь частично: всю полноту бытия личности ни одно общественное объединение поглотить не в состоянии. Предоставление личности возможности свободного самоопределения к той или иной деятельности является необходимой предпосылкой устойчивости общественного союза.

Изложенные соображения формируют почву для политико-правовой концепции Чичерина. Право, в духе учения немецкой классической философии, определялось им как «внешняя свобода человека, определяемая общим законом» [33, с. 84]. Речь в данном случае идёт об обеспечении внешней свободы, свободы действия. В субъективном отношении, предназначение правовой системы как таковой – устранение барьеров на пути самореализации личности; задача, таким образом, преимущественно негативная. И, хотя в объективном отношении Чичерин видел цель государства в содействии «общей пользе», критиковал представление о сугубо отрицательном характере государственно-

правового механизма [24, с. 73–75], в более поздних работах отстаиваемые им положения все более согласовывались с принципами классического либерализма.

Правовая сфера в данной концепции освобождала себя от определения всеми прочими социальными регуляторами, которые могли быть актуальными в иных теориях, как то нравственность, религия, государственный интерес и т.д., чем, однако, не исключала их из себя. Исходным пунктом в этой области выступает именно свобода, воления которой могут не соотноситься с предписаниями указанных выше форм миропонимания. Это положение нередко являлось поводом к нападкам [12, с. 378] на Чичерина и явилось центральным объектом его полемики с Соловьёвым [26; 17].

Основное назначение государственных институтов в конечном итоге сводится к содействию интересам единичной человеческой личности. В утверждении этого положения Чичерин видел заслугу индивидуалистического подхода. Однако, полагал он, когда речь заходит о целостно-органическом характере государства, идея которого необходимым образом вытекает из определений самого разума, обнаруживается несостоятельность индивидуалистических соображений. Государство, являя собой верховный союз на земле, в котором «идея человеческого общества достигает высшего своего развития» [33, с. 301] сводит противоположные элементы общезжития, выраженные в подчинённых ему союзах в односторонней форме, к высшему единству. В этом отношении учение Чичерина согласовано с учением Гегеля, как и в положении о полноте реализации собственной свободы в условиях государственно-правовой действительности. Мыслители, однако, расходились в представлении о соотношении личностного и государственного начал: Чичерин отмечал, что Гегель, «признавая вполне требования человеческой личности, как носителя духа, видит в ней, однако, лишь преходящее явление общей духовной субстанции, выражающейся в объективных законах и учреждениях. Лица беспрерывно меняются, а учреждения остаются» [33, с. 224]. Иными словами, Чичерин ставил в упрек Гегелю, что тот забывает о личностном начале, описывая процесс развития общей субстанции, в то время как человеческие сообщества – это, главным образом, союзы живых лиц, свободных в отношении целеполагания и обеспечения собственных интересов. Здесь обнаруживается влияние на Чичерина Канта.

Этическое учение Канта, который, согласно Чичерину, «яснее всех развил метафизические основания нравственности» [27, с. 314], восстанавливается в учении русского философа, отчётливо демонстрируя расхождение последнего с Гегелем. Государство признаётся преходящим началом, и не в нём, а в личности обнаруживает высшую стадию своего развития Абсолютный Дух. Как и в случае с Кантом [10, с. 253], основание Чичеринской идеи права на принципе свободы явилось поводом для обвинений: немецкому мыслителю указывали на противоречие между его учением о нравственности и учением о праве; русского философа упрекали в формализме философско-правовой концепции, отсутствии в ней принципов добра и сострадания. Идея права заключена непосредственно в гарантии свободы личности, а не в прямом содействии реализации её интересов или интересов человеческого сообщества. С этим также связана критика Чичеринской утилитаристской концепции права, которая «отрицая право как метафизический вымысел, приносит все в жертву удовольствия массы» [22, с. 318]. Последовательное развитие данной теории подготавливает почву для оправдания политики, источником которой является грубая сила массы: «Иначе и быть не могло, ибо там, где в основание системы полагается бесконечное разнообразие субъективных ощущений, там по необходимости исчезает общее мерило. Все становится безразличным <...> все дело окончательно решается силою количества» [22, с. 320].

Наиболее отчётливо либеральная ориентированность Чичерина проявилась в вопросах экономической теории. В полемике, проходившей, преимущественно, с теоретиками социализма, Чичерин отстаивал идеалы свободной экономической деятельности, единственной способствующей экономическому развитию общества и государства: «Свобода составляет начало, середину и конец всей промышленной деятельности человека. Индивидуализм господствует здесь во всех сферах и на всех ступенях производства и потребления» [32, с. 273]. Этим обусловлено отрицательное отношение Чичерина к принципам социального государства, гарантирующего удовлетворение первичных материальных потребностей человека: «Безусловное значение лица <...> и вытекающее из него право свободное располагать своими силами и стремиться к своему совершенствованию, вовсе не означает, что общество должно обеспечить ему средства для достижения этих целей. Существенная задача общества состоит в том, чтобы, признавши свободу лица, оградить её от нарушений со стороны других, а отнюдь не в том, чтобы доставить ему какие бы то ни было средства» [26, с. 665]. Социальная поддержка граждан составляет нравственную задачу, на чем основан институт благотворительности: «Государство не обязано доставлять гражданам средства существования. Это – дело частное. Каждый отыскивает себе работу и добывает себе пропитание сам. Когда в силу несчастного стечения обстоятельств человек не в состоянии пропитаться, он взывает к помощи ближних. Тогда наступает призвание благотворительности, сначала частной, а за недостатком последней общественной. Государство в видах человеколюбия, не может не прийти на помощь страждущим гражданам» [31, с. 224–225]. К допустимым мерам поддержки со стороны государства Чичерин относил, например, обеспечение деятельности сберегательных касс, предоставление на льготных условиях земли, требующей обработки, ограничение работы женщин и детей на фабриках. Все это, между тем, санкционировалось лишь в виде исключения из общего правила.

Негативное отношение Чичерина к идее закрепления за государством задачи проведения активной социальной политики имеет двоякое основание. С одной стороны, Чичерин был убеждён в преимуществе рыночной системы с точки зрения экономического целесообразности: с опорой на экономическую теорию и историю он постулировал ключевое значение свободной экономической деятельности в процессе развития экономической системы в целом.

С другой стороны, требование сведения социальной поддержки к минимуму обосновывалось предписанием не санкционировать умаления значимости отдельной личности, не допустить подавления её свободы, превращение человека в раба государства – что, с точки зрения философа, непременно бы произошло, попади человек в зависимость от государственных льгот и выплат. Напротив, в силу неиссякаемой потенции разума, он способен, при отсутствии налагаемых государством и действующими вне закона субъектами ограничений, а также иных факторов, связанных с субъективными барьерами, самостоятельно обеспечить собственное благосостояние. Если же человек в поисках средств к существованию вынуждает себя к изнурительному труду – это следствие его свободного выбора: «Машинное производство <...> неизбежно ведёт к отупению. Но эта вредная сторона высшего экономического производства в нём самом находит и противодействующую силу. Она заключается в присущем ему начале свободы труда. Становясь добровольно орудием и тем исполняя своё экономическое назначение, человек не перестаёт быть человеком. Он сохраняет своё, равное с другими человеческое достоинство» [23, с. 121]. Понятое под таким углом требование уважения к личности предписывает не обеспечение её приемлемыми жизненными условиями, а минимализацию

препятствий на пути к их самостоятельному достижению. Ощутим контраст данной точки зрения с позициями социалистов, в частности – с концепцией отчуждения К. Маркса [11, с. 99–100].

Между тем, в юности Чичерину были близки социалистические идеи, что весьма характерно для русских философских и политических мыслителей. Однако события 1848 года и последующее изучение трудов теоретиков социализма способствовали смещению его позиции в сторону резкого неприятия данной теории [20, с. 76–77]. За завесой идей свободы и справедливости, полагал он, скрывается угроза порабощения живой личности, которая приносится в жертву абстрактной идее.

Заметим, что столь категоричное отношение к принципам социализма и идеалам демократии, несмотря на наличие к тому определённых оснований, представляет собой догматический элемент в политико-правовой теории Чичерина, не позволивший ему приблизиться к тем идеям, которые уже в XX в. способствовали росту экономического благосостояния населения. Его убеждённость в способности конституционной монархии колесом громадной машины, подавляющей в нём всякую самодеятельность, но развивающей в высшей мере властолюбие книзу и угодливость кверху» [19, с. 76]. Умеренная бюрократия является «необходимой принадлежностью всякого государственного быта» [19, с. 75], однако крайние её формы губительны для личности и общества в целом. Соображения Чичерина по данному вопросу позволяют заострить внимание на том, что принцип общественного иерархизма понимался им не механистически, а органицистически, в согласии с требованием предоставления человеку простора для творческой самореализации.

В то же время Чичерин отмечал первостепенную значимость демократических институтов в деле ограничения бюрократизма. Непомерное развитие бюрократии зарождало у мыслителя тревожное чувство: «В ней господствует механический строй, а не общественный дух. Каждое лицо, на каждой ступени иерархии, является колесом громадной машины, подавляющей в нём всякую самодеятельность, но развивающей в высшей мере властолюбие книзу и угодливость кверху» [19, с. 76]. Умеренная бюрократия является «необходимой принадлежностью всякого государственного быта» [19, с. 75], однако крайние её формы губительны для личности и общества в целом. Соображения Чичерина по данному вопросу позволяют заострить внимание на том, что принцип общественного иерархизма понимался им не механистически, а органицистически, в согласии с требованием предоставления человеку простора для творческой самореализации.

Религиозный и национальный вопросы освещались Чичериным также в персоналистическом духе. Будучи противником сегрегации на основании религиозного и национального признаков в теории, он с этих же позиций давал оценку настроениям и событиям в современной ему политической жизни. Выступая против вариации патриотизма, распространённого в массе «пошлых людей» [29, с. 6], и нарушения права на свободу совести, составляющую «краеугольный камень внутренней свободы человека, от которой зависит все его человеческое достоинство» [29, с. 28], Чичерин утверждал право личности на свободу и уважение, проистекающего из факта её Богосынства: «Политика не состоит в мелких притеснениях. Надобно дать людям тот простор и те права, которые лежат в самой природе человека» [29, с. 55]. Лишь такая установка может соответствовать духу «истинного христианства» [29, с. 44]. Она в то же время соответствует требованиям политической целесообразности, на которую нередко ссылаются в целях оправдания действий, противоречащих принципам нравственности и человеколюбия. С этим посылом Чичерин одобрял действия русского правительства, направленные на поддержку притесняемых народностей в Европе, и подвергал критике меры внутренней политики, связанные с теми или иными формами гонений в России.

Из сказанного выше следует заключить, что политико-правовая теория Чичерина, как и его реакция на происходящие в политической сфере процессы, имеют своим основанием убеждение в высшей ценности человеческой личности, имеющей непосредственное отношение к Абсолютному Началу. Стремление Чичерина к рассудочному анализу и схематизации, проявляющееся, в частности, в его намерении применять четырёхчленную логическую схему к исследованию любого предмета, не побудило его таким же образом дифференцировать человеческую личность. Исторические и политические процессы, развитие философии, законы природы рассматривались им как частное приложение выведенного принципа [28, с. 428]; но человеческая личность Чичериным не расчленялась.

Данное обстоятельство, наряду с критикой представлений о возможности познания бытия на основании лишь рассудочных заключений, а также признания самостоятельного значения религиозной веры как единственной формы живого общения Человека с Богом, требует от нас признания неубедительности утверждений [7, с. 138] о сухом и одностороннем рационализме Чичерина. Но не следует отрицать, что повод к подобным обвинениям давал сам философ. Н. Н. Алексеев, исследуя его научное наследие и автобиографию, сделал вывод о «существовании как бы двух чичеринских "философий", – одной книжной, надуманной, гегельянской, другой – жизненной, непосредственной, созданной на основе собственного внутреннего опыта» [1, с. 99]. С точки зрения (весьма дискуссионной) Д. И. Чижевского, стремление Чичерина к схематизации коренится в ошибочном рационалистическом толковании Гегеля, которое, в его учении, соединяется с философией Канта и даже традицией, «ориентированной на математику метафизики докантовского рационализма» [18, с. 331]. В то же время, эта с точки зрения логики добросовестная схематизация и позволяет нам говорить о наличии у Чичерина стройной и законченной философской системы.

Решительной критике, в том числе с позиций признания человека высшей ценностью, была подвергнута позиция Чичерина по вопросам уголовного права. Он развивал теорию воздаяния, которая, в целом, согласовывалась с позицией Гегеля [5, с. 145]. Поскольку преступление являет собой отрицание права, возмездие представляет собой отрицание отрицания, то есть восстановление права. На этом основании Чичерин доходил до оправдания института смертной казни. С торжеством абстрактной категории справедливости человеческая личность отходит на второй план! С точки зрения И. В. Михайловского, ученика и последователя Чичерина, смертная казнь «противоречит принципу уважения к жизни человека, противоречит признанию безусловной необходимости уничтожения всякого пролития крови, всякого убийства, как конечной цели культуры» [15, с. 27]; «Наказание должно быть проникнуто не теми началами, с которыми оно борется, а наоборот – теми, во имя которых оно борется» [15, с. 25]. Смертная казнь может быть оправдана ссылками на принцип симметричного возмездия, а также на принцип устрашения. Но, признав Божественное происхождение человеческой личности, отсутствие у общества или государства права посягать на то, Источником чего является Абсолютное, следует признать и недопустимость смертной казни. Эти классические доводы против такой формы возмездия были высказаны, хотя и не в завершённой форме, ещё Т. Мором [16, с. 68–70].

Освещённые нами и иные интересовавшие Чичерина вопросы истолкованы иначе уже у тех представителей философско-правовой мысли, которые во многом переняли основные положения его системы: Е. Н. Трубецкого, Михайловского, П. И. Новгородцева. Трубецкой и Новгородцев находились также под существенным влиянием филосо-

фии Соловьёва, чем определилось более тесное сочетание принципов права и нравственности в их концепциях, по сравнению с учением Чичерина.

Отдельный интерес представляет сопоставление учения о личности и философии права Чичерина с воззрениями других отечественных мыслителей, отстаивавших персоналистические позиции. Сразу следует оговориться: персонализм, как таковой, не являет собой ни законченное учение, ни даже совокупность некоторых общепризнанных положений. Персонализм, как мы его определили в начале настоящей статьи, представляет собой утверждение высшей ценности человеческой личности на основании её причастности Абсолютному Источнику бытия. Перед мыслителями открывается широкое поле для самостоятельных построений, исходящих из этой посылки. В частности, отечественная политическая мысль служит тому подтверждением: с персоналистических позиций, помимо Чичерина, выступали консерватор (в поздний период) Ф. М. Достоевский и социалист А. И. Герцен.

В виду такой разнородности персонализма не стоит удивляться, что учения таких видных представителей данного направления, как Н. О. Лосский и Н. А. Бердяев, почти не имели общих оснований ни с учением Чичерина, ни друг с другом. Выступая с критикой рационализма Чичерина [3, с. 204; 13, с. 181–182], они также отстаивали собственные позиции по вопросу приложения персоналистических принципов к политико-правовой сфере. С критикой определения либерализма социальной проекцией персонализма выступал Бердяев: «Это очень большое заблуждение. Либерализм в жизни экономической и социальной был идеологией капитализма, персонализм же есть непримиримое отрицание капиталистического строя. Персонализм не допускает превращения человеческой личности в вещь и товар» [4, с. 175]. При рассмотрении этого вопроса, как и в целом в исследованиях социально-экономической проблематики, Бердяев опирался на марксистское учение [2, с. 16]. Лосский, признавая значение политико-правовой концепции Чичерина в особенности в эпоху господства тоталитарных режимов, считал непреложным нравственным требованием обеспечение благополучия личности: «Вопрос нашего времени состоит в том, чтобы развить такую систему, в рамках которой было бы обеспечено благополучие всех людей и сохранена их свобода» [13, с. 185]. Возможность реализации этой задачи Лосский видел в демократическом устройстве [14, с. 343–355].

Выводы

Подводя итог, ещё раз подчеркнём, что философия права Чичерина, как она окончательно (в общих чертах) сформировалась в 60-е – 70-е годы XIX столетия, базируется на представлении о высшей и непреложной ценности человеческой личности. Свобода, присущая человеку как разумному существу, положена в его учении в основание идеи права как такового. Эта позиция обуславливала сближение Чичерина с идеями классического либерализма, которое в высшей степени наглядно предстало в работах последних лет его жизни. Для либерализма русского воззрения Чичерина явились основополагающими [34, с. 132]. Некоторая односторонность, обнаруживающая себя в рассмотрении Чичериным прикладных вопросов, имела своим основанием стремление Чичерина к последовательному и логически неопровержимому раскрытию исходного принципа.

Список литературы

1. Алексеев, Н. Н. Религиозно-философские идеи и личность Б.Н. Чичерина в свете его воспоминаний / Н. Н. Алексеев // Путь. – 1930. – № 24. – С. 98–110.
2. Бердяев, Н. А. «Философское миросозерцание Н. А. Бердяева (Автоизложение)» (пер. издательства РСХД за рубежом) / Н. А. Бердяев // Вестник русского студенческого христианского движения. – 1952. – № 4. – С. 15–21.
3. Бердяев, Н. А. Н. К. Михайловский и Б. Н. Чичерин / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыт философские, социальные и литературные (1900–1906 г.). – Санкт-Петербург : Изд-е М. В. Пирожкова, 1907. – С. 198–213.
4. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1939. – 223 с.
5. Гегель, Г. В. Ф. Философия права (пер. Б. Г. Стоппнера и М.И. Левиной) / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
6. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1977. – Т. 3. Философия духа / пер. Б. А. Фохта. – 471 с.
7. Гурвич, Г. Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьёв (пер. М. В. Антонова и А. В. Полякова) / Г. Д. Гурвич // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 4 (261). – С. 138–164.
8. Кавелин, К. Д. Письмо к издателю / К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин // Голоса из России. Часть первая. – Лондон, 1856. – С. 9–36.
9. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант ; пер. Н. М. Соколова // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Москва : Чоро, 1994. – Т. 4. – С. 373–479.
10. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант ; пер. С. Я. Шейнман-Топштейн и Ц. Г. Арзаканьяна // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Москва : Чоро, 1994. – Т. 6. – С. 224–543.
11. Кирякин, А. В. Рецепция марксизма в философии Б. Н. Чичерина / А. В. Кирякин // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2015. – № 1 (27). – С. 96–102.
12. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. – 704 с.
13. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский ; пер. изд-ва «Иностранная литература». – Москва : Академический проект, 2018. – 551 с.
14. Лосский, Н. О. Органическое строение общества и демократия / Н.О. Лосский // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 343–355.
15. Михайловский, И. В. Наказание как фактор культуры / И. В. Михайловский. – Москва : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1905. – 53 с.
16. Мор, Т. Утопия / Т. Мор ; пер. А. И. Малеина и Ф. А. Петровского. – Москва : Академия наук СССР, 1953. – 296 с.
17. Соловьёв, В. С. Мнимая критика / В. С. Соловьёв // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 4 (39). – С. 669–716.
18. Чижевский, Д. И. Гегель в России / Д. И. Чижевский. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 411 с.
19. Чичерин, Б. Н. Бюрократия и земство / Б. Н. Чичерин // Чичерин Б. Н. Вопросы политики. – Москва : Типо-литогр. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1905. – С. 70–81.
20. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов / Б. Н. Чичерин. – Москва : Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1929. – 293 с.
21. Чичерин, Б. Н. Воспоминания. Московский университет / Б. Н. Чичерин. – Москва : Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1929. – 280 с.
22. Чичерин, Б. Н. История политических учений / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Грачева и Комп., 1874. – Ч. 3. Новое время. – 448 с.
23. Чичерин, Б. Н. Курс государственной науки / Б. Н. Чичерин. – Москва, 1896. – Ч. 2. Наука об обществе или социология. – 432 с.
24. Чичерин, Б. Н. Мистицизм в науке / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Мартынова и Ко, 1880. – 191 с.
25. Чичерин, Б. Н. Наука и религия / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Мартынова и Ко, 1879. – 523 с.
26. Чичерин, Б. Н. О началах этики / Б. Н. Чичерин // Вопросы философии и психологии. – 1897. – Кн. 4 (39). – С. 586–701.
27. Чичерин, Б. Н. Основания логики и метафизики / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. – 371 с.

28. Чичерин, Б. Н. Положительная философия и единство науки / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1892. – 428 с.
29. Чичерин, Б. Н. Польский и еврейский вопросы / Б. Н. Чичерин. – Берлин : Изд-е Гуго Штейнц, 1899. – 57 с.
30. Чичерин, Б. Н. Реальность и самосознание / Б. Н. Чичерин // Чичерин Б. Н. Вопросы философии. – Москва : Тип. Высочайшего утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1904. – С. 76–145.
31. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. П. П. Брискорн, 1883. – Ч. 2. – 457 с.
32. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Мартынова, 1882. – Ч. 1. – 469 с.
33. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – Москва : Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев, 1900. – 337 с.
34. Шамшури, В. И. Человек и государство в русской философии естественного права / В. И. Шамшури // Вопросы философии. – 1990. – Вып. 6. – С. 132–140.

References

1. Alekseev, N. N. Religiozno-filosofskie idei i lichnost B. N. Chicherina v svete ego vospominanij [Religious and philosophical ideas and personality of B. N. Chicherin in the light of his memoirs]. *Put* [The way]. 1930, no. 24, pp. 98–110.
2. Berdyaev, N. A. "Filosofskoe mirozercanie N. A. Berdyaeva (Avtoizlozhenie)" (per. izdatelstva RSKHD za rubezhom) ["Philosophical worldview of N. A. Berdyaev (Autofilution)"]. *Vestnik russkogo studentcheskogo hristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Student Christian Movement]. 1952, no. 4, pp. 15–21.
3. Berdyaev, N. A. N. K. Mihajlovskij i B. N. Chicherin [N. K. Mihajlovskij and B. N. Chicherin]. *Berdyaev N. A. Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, socialnye i literaturnye (1900–1906 g.)* [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900–1906)]. St. Petersburg: Izdanie M. V. Pirozhkova; 1907, pp. 198–213.
4. Berdyaev, N. A. *O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii* [About slavery and human freedom. The experience of personalistic philosophy]. Parizh: YMCA-Press; 1939, 223 p.
5. Hegel, G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Mysl; 1990, 524 p.
6. Hegel, G. V. F. *Enciklopediya filosofskih nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Moscow; Mysl; 1977, vol. 3, 471 p.
7. Gurvich, G. D. Dva velichajshih russkih filosafo prava: Boris Chicherin i Vladimir Solovev [Two of the Greatest Russian Legal Philosophers: Boris Chicherin and Vladimir Solovyov]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* [News of higher educational institutions. Jurisprudence]. 2005, no. 4 (261), pp. 138–164.
8. Kavelin, K. D., Chicherin B. N. Pismo k izdatelyu [Letter to the publisher]. *Golosa iz Rossii* [Voices from Russia]. London: 1856, part 1, pp. 9–36.
9. Kant, I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. *Kant I. Sochineniya* [Works]. Moscow: Choro; 1994, vol. 4, pp. 373–479.
10. Kant, I. Metafizika nravov [The Metaphysics of Morals]. *Kant I. Sochineniya* [Works]. Moscow: Choro; 1994, vol. 6, pp. 224–543.
11. Kiryakin, A. V. Recepcija marksizma v filosofii B. N. Chicherina [Reception of Marxism in the philosophy of B. N. Chicherin]. *Vestnik VolGU. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i socialnye tekhnologii* [Bulletin of the VolGU. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies]. 2015, no. 1 (27), pp. 96–102.
12. Kistyakovskij, B. A. *Socialnye nauki i pravo. Oчерki po metodologii socialnyh nauk i obshchej teorii prava* [Social sciences and law. Essays on the methodology of social sciences and the general theory of law]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh; 1916, 704 p.
13. Losskij, N. O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskij proekt; 2018, 551 p.
14. Losskij, N. O. Organicheskoe stroenie obshchestva i demokracii [The organic structure of society and the democracy]. *Sovremennye zapiski* [Modern notes]. 1925, no. 25, pp. 343–355.
15. Mihajlovskij, I. V. *Nakazanie kak faktor kul'tury* [Punishment as a factor of culture]. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i Ko; 1905, 53 p.
16. Mor, T. *Utopiya*. Moscow: Akademiya nauk SSSR; 1953, 296 p.
17. Solovev, V. S. Mnimaya kritika [Imaginary critique]. *Voprosy filosofii i psihologii* [Philosophical and psychological Issues]. 1897, no. 4 (39), pp. 669–716.
18. Chizhevskij, D. I. *Hegel v Rossii* [Hegel in Russia]. St. Petersburg: Nauka; 2007, 411 p.
19. Chicherin, B. N. Byurokratiya i zemstvo [Bureaucracy and zemstvo]. *Chicherin B. N. Voprosy politiki* [Policy issues]. Moscow: Tipolitogr. Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko; 1905, pp. 70–81.
20. Chicherin, B. N. *Vospominaniya. Moskva sorokovyh godov* [Memories. Moscow of the forties]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh; 1929, 293 p.
21. Chicherin, B. N. *Vospominaniya. Moskovskij universitet* [Memories. Moscow University]. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovyh; 1929, 280 p.
22. Chicherin, B. N. *Istoriya politicheskikh uchenij* [The history of political teachings]. Moscow: Tipografiya Gracheva i Komp.; 1874, part 3, 448 p.
23. Chicherin, B. N. *Kurs gosudarstvennoj nauki* [The course of state science]. Moscow: 1896, part 2, 432 p.
24. Chicherin, B. N. *Misticizm v nauke* [Mysticism in science]. Moscow; Tip. Martynova i Ko; 1880, 191 p.
25. Chicherin, B. N. *Nauka i religiya* [Science and religion]. Moscow: Tip. Martynova i Ko; 1879, 523 p.
26. Chicherin, B. N. O nachalah etiki [About the principles of ethics]. *Voprosy filosofii i psihologii* [Philosophical and psychological Issues]. 1897, no. 4 (39), pp. 586–701.
27. Chicherin, B. N. *Osnovaniya logiki i metafiziki* [Foundations of logic and metaphysics]. Moscow: Tipografiya Vysochajshe utverzhdennogo Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko; 1894, 371 p.
28. Chicherin, B. N. *Polozhitelnaya filosofiya i edinstvo nauki* [Positive philosophy and the unity of science]. Moscow: Tipografiya Vysochajshe utverzhdennogo Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko; 1892, 428 p.
29. Chicherin, B. N. *Polskij i evrejskij voprosy* [Polish and Jewish issues]. Berlin: Izdanie Gugo Shtejnica; 1899, 57 p.
30. Chicherin, B. N. Realnost i samosoznanie [Reality and self-consciousness]. *Chicherin B. N. Voprosy filosofii* [Philosophical Issues]. Moscow: Tipografiya Vysochajshego utverzhdennogo Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko; 1904, pp. 76–145.
31. Chicherin, B. N. *Sobstvennost i gosudarstvo* [Property and the state]. Moscow: Tipografiya P. P. Briskorn; 1883, part 2, 457 p.
32. Chicherin, B. N. *Sobstvennost i gosudarstvo* [Property and the state. Part one]. Moscow: Tipografiya Martynova; 1882, part 1, 469 p.
33. Chicherin, B. N. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev; 1900, 337 p.
34. Shamsurin, V. I. Chelovek i gosudarstvo v russkoj filosofii estestvennogo prava [Man and the State in the Russian Philosophy of Natural Law]. *Voprosy filosofii* [Philosophical Issues]. 1990, iss. 6, pp. 132–140.

Информация об авторе

Прончев К. Г. – аспирант.

Information about the author

Pronchev K. G. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 28.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 28.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.